

Лингвистические сведения в подстрочных примечаниях

Д. С. Лихачев писал, что научные издания «могут быть только целенаправленными. . . Лингвисты нуждаются в издании текста одного списка — историки и литературоведы издают текст памятника по всем спискам»¹. Выработалось разное понимание прочтения рукописи историками, литературоведами и лингвистами. Лингвисты заинтересованы в отражении всех языковых особенностей данного списка, не только смысловых различий, но и особенностей орфографии и графики.

Издания, «предназначаемые для историков и литературоведов, и издания для языковедов не должны смешиваться»², — указывал Д. С. Лихачев. Действительно, пользование изданиями, подготовленными литературоведами и историками, для ряда лингвистических исследований сопряжено с трудностями, подчас эти издания не дают сведений, необходимых лингвистам.

В последние годы было продолжено начатое еще К. Ф. Калайдовичем лингвистическое издание памятников языка. Пополнился круг издаваемых текстов, в соответствии с задачами современной науки предложены новые решения ряда практически важных вопросов, связанных с подготовкой публикаций.

Лингвистическое издание памятников письменности предполагает такое их воспроизведение, когда в максимальной степени исключается необходимость обращения

¹ Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 470, 472.

² Там же, стр. 472.

непосредственно к оригиналу³. Имеем в виду не столько воспроизведение внешней стороны рукописи, что также важно для полного представления о памятнике, сколько воспроизведение текста рукописи. Это достигается прежде всего передачей текста буква в букву, а также специальным комментированием текста в подстрочных примечаниях.

В лингвистических изданиях памятников деловой письменности XVII—начала XVIII в.⁴ различаются примечания трех видов: 1) примечания, сообщающие сведения о сохранности памятника, его состоянии в данный период, а также сведения о некоторых особенностях письма, смене почерков и чернил; 2) примечания, фиксирующие особенности речи писавшего (ошибки, исправления — зачеркивания, написания по другим буквам, дописывание между строк, дополнительные записи на полях и под. — все то, что нельзя причислить к механическим опискам); 3) примечания, предлагающие прочтение отдельных мест текста.

Примечания первого рода даются в следующих формулировках: «далее утрачены 1—2 буквы (утрачено 4—5, 5—6 и т. д. букв): обрыв»; «далее 1—2 (4—5 и т. д.) буквы не читаются: смазано» или «стерто»; «далее 1—2 (4—5 и т. д.) буквы не разобраны»; «далее вторым (третьим и т. д., другим) почерком» или «разными почерками». Указанием на приблизительное число утраченных букв подчеркивается стремление достоверно показать степень той или иной утраты.

Примечания второго рода формулируются так: «написано по какой-то другой букве»; «(какое-то буквосочета-

³ См.: «Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности». М., 1961, стр. 8.

⁴ Имеем в виду издания: С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова). Изд. подгот. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968; Грамотки XVII—начала XVIII века. Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969; Вести-Куранты. 1600—1639 гг. Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.

ние, буква) написано по (какому-то другому буквосочетанию, букве)»; «(какое-то слово, буквы) написано на поле»; «над (какой-то буквой) зачеркнуто (какая-то буква)»; «далее зачеркнуто (какое-то слово, сочетание слов, букв)»; «написано над зачеркнутым (или «смазанным» каким-то словом, сочетанием слов, букв)»; «так в ркп.» (т. е. в рукописи) и др.

Примечания третьего рода относятся в основном к помете «так в ркп.». Эта помета, констатируя наличие факта, позволяет дать и его интерпретацию. Например, при слове *плотах* дается пояснение: «так в ркп., плотах?». В современном правильном написании слова (или сочетания слов) со знаком вопроса (?) раскрываются необходимые для понимания текста языковые явления (например, стяжение согласных: *прийти королю* = *прийти к королю*), а также явные недосмотры писца (недописки, пропуски букв и др.). Толкование текста публикаторами заключается и в примечаниях: «написано ошибочно?», «далее, по-видимому, пропущено (какое-то слово, сочетание слов)»; «чтение предположительное» и др.

Подстрочные примечания в лингвистических изданиях рукописных памятников указывают на факты, существенные не только для языковедов. Например, купюры, сделанные переводчиком, готовившим для курантов европейские сообщения 1631 г. (май—июль), когда были исключены из текста «вѣсти из Оберланта мая въ SI де», о чем читатель книги «Вести-Куранты» узнает из примечаний (28.47)⁵, показывают, что переводы вестей не всегда давали исчерпывающие сведения из иностранных газет, что писцы (переводчики, редакторы) сокращали и редактировали тексты. В данном случае на л. 48 приводятся сообщения несколько более поздние и, по-видимому, более важные (как бы «последние известия») из того же Оберланта «июля въ AI де».

Аналогичное подтверждение получаем и из примечания к л. 17 вестей из Немецких земель (№ 31), где говорится, что в тех местах «крепко людеи наимѹють», причем о военных планах, связанных с наймом людей, узнаем только из зачеркнутого текста, отнесенного в издании

⁵ В скобках первое число обозначает номер текста в публикации «Вести-Куранты. 1600—1639 гг.», число после точки указывает на номер листа в данном тексте.

в подстрочное примечание: и собрав людей хотя и идти на двѣ (над словами «на двѣ») зачеркнуто «по двое») таборами идиѣ таборы к Лансборхѣ а другія в Ингелстат.

Большое значение имеют сведения, уточняющие географические наименования. Так, в вестях «из Мелланские земли июня КѠ го числа» упоминается река Торро (43.18). Примечание свидетельствует о том, что слово *Torro* написано над зачеркнутым *Dorŭ*. Сопоставление с современными картографическими данными указывает на реку в северной Италии Дора-Бальтеа, неподалеку от которой находится город, около которого и происходили описываемые события.

Подстрочный комментарий является необходимым лингвистическим источником, содержащим иногда дополнительные (помимо текста) сведения первостепенной важности.

Порою приходится встречаться с мнением, что для изданий памятников древней письменности, а также памятников скорописных, исчерпывающее отражение авторских (переводческих, вообще всех тех, кто писал тот или иной текст) исправлений излишне, что оно, пожалуй, и не нужно для разработки лингвистических вопросов. Например, изучение лексики и синтаксиса вполне будто бы обеспечивается изданиями, выполненными по правилам, принятым у историков и литературоведов. Что же касается графики, то, как полагают, здесь во всех случаях обязательно обращение к рукописям.

Действительно, до самого последнего времени язык русских памятников в разных аспектах анализировался главным образом по изданиям историков и литературоведов, мало кто из исследователей-лингвистов обращался непосредственно к рукописным материалам. «Огромные фонды рукописей, — замечает С. И. Котков, — и в центральных архивохранилищах остаются вне поля зрения историков языка. . . многие русисты с памятниками письменности непосредственно не знакомы. Следствием является не критическое отношение к печатным воспроизведениям старинных текстов. Более того, получило распространение бездумное цитирование этих текстов не прямо по рукописям или хотя бы их изданиям, а лишь по карточке древнерусского словаря, которая при всей ее огромной ценности заменить первоисточники не может»⁶.

⁶ С. И. Котков. О развитии лингвистического источниковедения. — ВЯ, № 2, 1968, стр. 141.

Лингвистическое издание памятника письменности предоставляет материал для изучения разных сторон языка, вместе с тем и графической, связанной с передачей буквенных вариантов.

Наблюдения над буквенными вариантами могут способствовать решению и частных, и общелингвистических вопросов — локализации и датировки памятников, установлению принадлежности писца к той или иной письменной традиции, восстановлению, может быть, сведений о существовании определенных школ письменности. Буквенные варианты могут свидетельствовать о становлении и утверждении орфографических норм литературного языка, что в свою очередь может свидетельствовать и о некоторых иных фактах. Так, например, в грамматике М. Смотрицкого (М., 1648 г.) и «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова (1704 г.) варианты букв в значительной мере служат средством выделения лексики по признакам аффиксации, а также по происхождению.

Согласно грамматике М. Смотрицкого, с начальным ω (омега) — ω б пишутся глаголы: ω бличаю, ω бразую и др.; с буквой о (о микрон) — существительные, местоимения: онъ, она, оно. . . образъ, отецъ, отрокъ и др. В алфавитном порядке лексикона Ф. Поликарпова слова непроездовые составляют разряд, начинающийся с буквы о, а производные (главным образом приставочные) — разряд, начинающийся с ω : оба, обаче, обезьяна, обиліе и др.; ω биваю, ω бираю, ω главляю, ω даряю, ω живаю, ω кладъ, ω маканіе, ω пасеніе и т. д.

ω является суффиксом наречий: обычн ω , опасн ω , плох ω , худ ω при наличии в лексиконе Поликарпова x доазычны, мал ω — при малость и др. В этом плане чрезвычайно показательным исправлением ошибки в курантах 1626 г.: в слове мал ω (13.8) л ω написано по л ω другими чернилами. Этот, казалось бы, незначительный факт свидетельствует как о силе орфографической традиции, так и о явно живой тенденции употребления о вместо ω , обозначающих в данной позиции один и тот же звук. В грамматике же М. Смотрицкого отмечается: «долгаа соутъ и, ѣ, ω , краткаа е, о» (стр. 47).

В отношении употребления буквы і та же грамматика указывает: «і въ началѣ имене гдѣственаго пишется ако израиль, і ω аннъ, і ω сафъ. . . и въ средѣ реченіа егда предъ гласными іако спасеніе. . . къ симъ и \bar{v} ѣстн ω боуди

іжкѡ въ началѣ реченіи и въ слозѣхъ полагаемо, дебело произносится іжко истина, искони и проча» (стр. 51—52). Лексикон Ф. Поликарпова в разряде слов на і помещает слова, заимствованные из греческого языка: «і или іота, оу славанъ ѡт грековъ взатое, въ правописаніи множицею греческихъ реченій в началѣ оупотребляется, грекомъ же и славаномъ в численіи значить десатое. . . — ідоуль, іерархъ, іереи, історія» и т. д. В разряде слов на и встречаем всю другую лексику.

Однако рекомендации средневековых грамматик и лексиконов далеко не всегда реализовались на письме. В таких, например, памятниках деловой письменности, как грамотки, і при обозначении союза пишется теми, кто связан был с приказными канцеляриями (писцы-профессионалы, приказчики, вотчинники, знакомые с тяжёлыми делами, и др.). Приведем несколько иллюстраций⁷: № 63, письмо бурмистру Ивану Корпиловичу и земскому старосте Тимофею Федоровичу от кузнецов г. Шуи — і земскомѡ старосте. . . і всем мирским людемъ бьют челомъ і плачутца сироты ваши; № 47, письмо Н. Дружинина неустановленному лицу — дьяки челобитною приняли і подписали. . . і по той челобитной у меня жонку приняли і приняе еѣ спрашивали. . . і что у неі детеи і что животов; № 349, письмо приказчика П. Акулова К. П. Калмыкову — да отпиши гсдрь которые отпустил кожи до Ерославля і в доходе ли они сполна і выпиши б саявочные нненияг (так в ркп.) году отпускат прикажи сослат и др.

Напротив, в грамотках людей, далеких от приказных канцелярий, тот же союз (а также частица), как правило, передается буквой и: № 156, письмо Ф. Вындомского отцу В. Т. Вындомскому — а къ тми пцры батюшкѡ и вѡда збегить а здеся батюшкѡ с сеи поры летѡ уже і реки вышли. . . и он еи и нѣ вѣлел ехать; № 57, письмо Н. Мартынова Л. С. Волкову — бьет челом и плачетца. . . велите гсдри меня переменит старощен я. . . одпы костромские приезды с умом меня смяли члвкъ есми кропотливом ума моего стало смилуется гсдри. . . и мѣра гсдрь твоя и др. Подтверждения этому находим в текстах писем Стрешневых В. В. Голицыну, письмах Михалко-

⁷ Цитируем по книге «Грамотки XVII—начала XVIII века».

вых⁸ и др., а также в курантах, писанных в Посольском приказе.

О союзе *и* в грамматике М. Смотрицкого сказано: «Соѳзи сопряженіа и раздѣленіа равныа наклоненіа во глагоলেখъ и равныа падежи во именехъ свазоуютъ и раздѣлаютъ. Іакѡ земля еси и пепель» (стр. 324), т. е. союз пишется буквой *и*. В курантах довольно постоянным исключением из этого правила можно считать графический трафарет *i* перед *е—іе* (*i* в томъ мѣсте, *i* всякие, *i* великого и т. п.).

Вопрос о воспроизведении графики памятника в современном лингвистическом издании (в плане вариантности букв) является вопросом специальным, в этом случае необходимо учитывать всю систему буквенных знаков данного списка. Колебания в употреблении букв *и—і*, *о—ω*, *у—Ѹ*, *я—Іа*, *Ѧ*, *з—s* говорят о формировании русской графики на протяжении длительного времени.

Необходимость отображения в изданиях *ѣ* по сравнению с *е* и *и*, а в заимствованных словах *ѣ* по сравнению с *ѣ* и *т* бесспорно признается исследователями, поскольку существует несомненная фонетическая значимость, закрепленная за этими буквами. Материалы «Вестей-Курантов» говорят еще и о выравнивании орфографической нормы в употреблении *е—ѣ*, связанном не только с этимологией, но и с акцентологической отмеченностью графического *ѣ*⁹. Показательны в этом отношении исправления *е* на *ѣ* в «Вестях»: нѣдругов, болѣзни, нѣсколько, хотѣнью, онѣ, вмѣсте, к рекѣ, недѣли, а также повелѣно, в вѣстех и др. Напротив, *ѣ* на *е* заменялось в словах еще, берегати (первое *е* написано по *ѣ*) и др. Как нам кажется, в плане ударения интересно написание слова *цѣсар* (с *ѣ*), встретившееся в черновике курантов (II 5.71). По-видимому, ударная позиция в заимствованном слове (при обычных в курантах вариантах написаний первого слога *е* | и | *ы* — *цесарь—цисарь—цысарь*, что в свою очередь свидетельствует о фонетическом осмыслении звука после твердого *ц*, ср.: *цисер*, 5.28; *цисарю*, 7.248; *цисаря*, 4.5; *цисара*, 5.31; *цесар*, 3.15) обозначена буквой *ѣ*. Характерно, что

⁸ См.: «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», отд. 1, № 11, 17, 18.

⁹ См.: Л. Васильев. История звука *ѣ* в московском говоре XIV—XVII вв. «Изв. ОРЯС», 1905, т. X, кн. 2.

в беловике курантов написание *цѣсар* в соответствии с орфографическими нормами изменено на *цесар* (30.12).

Нет сомнения в фонетической значимости замен *e* на *я* (явил в. евил), *e* на *и* (своим в. своем), *a* на *o* (они в. ани), *я* на *e* (к нему в. к няму), *и* на *e* (на него в. на него), *e* на *я* (чаяли в. чаели), *a* на *e* (рыцарсково в. рыцарсково), *y* на *ю* (цесарю в. цесару), *ѣ* на *e* (всѣ в. фсѣ), *ц* на *ч* (тысеч в. тысец), *и* на *ы* (послы в. послы) и т. д. В курантах этих свидетельств вполне достаточно.

В исправлениях текстов зафиксированы варианты формообразования: чередование в основах — *ропчют* (чю написано над зачеркнутым *тѣю*, 3.5); колебания в образовании форм настоящего времени глагола — *совѣтѣет* (исправлено из *совѣтывает*, 31.12); коррелятивные формы по виду глаголов — *ѡт бога сждать* (после бога зачеркнуто *сждат*, 31.18); колебания в употреблении форм мужского—женского рода — *мил* (написано над зачеркнутым *милев*, 5.16); наличие стилистических вариантов, например, *Мария—Марья* в следующем контексте: *и ѡсобно станѣмъ святѣю девѣ Марию (и написано по ѣ другими чернилами) молит чтоб ѡна снѣ своемѣ с вѣрою помоллас. . . смилѣися высокохвалная и славная дева Марья помилѣи нас* (II 5.61). Как видим, имя *Марья* во втором случае по невниманию редактора исправлено не было, таким и осталось в беловике курантов.

В области словообразования материал примечаний многообразен: варианты суффиксального словообразования — *кѣреистѣ Закксемскомѣ* (после *курѣистѣ* зачеркнуто *Заѣкомѣ*, 4.8); префиксальное словообразование — *понадобилис* (*по* написано над *на*, 17.53), *нагрѣжены* (*на* написано над *грѣ*, 17.52) и др.; предпочтительные варианты наречий: *тѣтъ* (ѣ исправлено из *o*, 35.15) в. *тѣто* и др. Ср. общее число употреблений *тут* и *тудо* в текстах курантов (710 рукоп. листов): *тут* — на 112 листах, *тудо* — на 21 листе.

Показателен комментарий синтаксического характера. Бессоюзные сложные предложения заменяются союзами: *тудошныя жилцы велми ѡскудѣли ѡт войны шпансково короля сверхъ тово с них же подати берут же как ѡнѣ ни жялетца и жалобѣ их не слушають а какъ ѡнѣ ѡ насилствѣ и ѡ иных обидех на своих же ратных людех учнут бить челом и их ѡтсылають в городе* (так в ркп.) *Брѣсель и тамо им указу добиватца велят* (38.12)

написано вместо зачеркнутого велми ѡскудѣли ѡт воины шпансково короля и не смотря на то с них же подати берут же как ѡнѣ ни жялетца и жалобѣ их не слушают захотят ѡнѣ какова указу добитца и ѡ насилствѣ на своих же ратных людех в городе Брѣсель бити челом и тамо указу добиватца велят.

Сочинительные связи в предложении заменяются связями подчинительными. Предложение, служащее началом очередного сообщения — Из табора короля еранцѣжского которои под городомъ Гездином (42. 3), — первоначально было выражено так: Из короля еранцѣжского табора из под г (писец-переводчик не закончил фразы). Порядок слов в исправленном варианте (постпозиция несогласованного определения) соответствовал, по-видимому, нормам письменного языка того времени.

Наблюдается замена характерных для разговорного языка конструкций конструкциями литературными¹⁰. Предложение: а в ыных местех і ѡпрично Ческоі земли которые под ево властью с них слезка емлет і дома их і имени ѡберегает а ѡнѣ против тово ево во всемь слушают — до исправления имело вид: а в ыных местех і ѡпрично Ческоі земли что владѣет велит с них слезка имат (43.13).

Не менее показательны и данные лексики.

Так, в одном из текстов курантов 1631 г. во фразе: а по деревням и здес по барабаном бьют и к здешному воискѣ прибирают слова и к здешному написаны над зачеркнутым и туточное воиско (31.3). Куранты первой половины XVII в. свидетельствуют о том, что *здесьний* и *тутошний* употреблялись нейтрально, ср.: в черновике — и быт томѣ в тѣточных местах началным воеводою наддо (так в ркп.) всемь а в здешной земли крепко ко (так в ркп.) к воине готовятца (1631 г. П 2.65), в беловике — и быти томѣ в тѣтошних мѣстех началнымъ воеводою надо всѣмь а в здѣшней землѣ крѣпко к воинѣ готовятца (30.5).

Слово *здесьний* по значению соотносилось с указательным местоимением *сь* (*ся, се*). Писец-переводчик мог, например, сделать такое исправление: да ѳинских конных людѣи тысяча пятсот члвкѣ и Свѣиские (так в ркп., из Свейские?) земл[и] в (перед в зачеркнуто: в сѣ мѣста) здѣшние

¹⁰ См.: Э. И. Коротеева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964, стр. 58.

мѣста бѣдут (1639 г. 50.175). *Здешний* противопоставлялось по значению местоименному прилагательному *иной* 'другой', не этот': Из Оберланда апрѣля I го числа в сдѣшних мѣста много цысаревых воинских приказных людей приѣзжают. . . Из Гаги апрѣля II числа здес і в ыных мѣстех гараздо людей прибирают (1631 г. II 5.86).

Хотя *тутошний* и употреблялось как синоним по отношению к *здешний* (*здешные люди, владельцы, послы — тутошные жильцы, люди, солдаты, послы, князи; здешний воевода, ученик, бископ — тутошний воевода*), сочетаемость его с разными словами была более ограниченной. Прилагательное *тутошний* чаще служило определением к наименованиям различного рода людей (в курантах оно встретилось из 16 на 14 рукоп. листах), лишь два раза его употребили в сочетании со словом *место*. *Здешний* сочеталось с большим числом слов. Из 50 с лишним употреблений только в 8 случаях оно поясняло слова, обозначающие категории людей. Преимущественно оно относилось к словам — названиям каких-либо территорий (*здешняя земля* — на 14 рукоп. листах; *здешнее место* — на 15; *здешний город* — на 4-х листах, *посад; здешняя крепость, сторона; здешнее княжество*). Несколько реже встречаем его в сочетании с другими словами — *катарга* 'вид судна', *войско, сойма, вести* и др. Примечательно в этом отношении исправление текста курантов во фразе, приведенной в начале данного раздела.

Итак, материалы курантов свидетельствуют о том, что слово *здешний* обладало способностью к большей сочетаемости, чем *тутошний*. В достаточно свободной сочетаемости этого прилагательного с другими словами были заложены предпосылки закрепления его в стилистически нейтральной позиции. Напротив, слово *тутошний*, уже в XVII в. имевшее ограниченные возможности лексической сочетаемости, обнаруживало, по сравнению с *здешний*, известную узость, что, по-видимому, и привело в дальнейшем к стилистическому размежеванию этих слов. В установлении этого вывода значение подстрочного комментария; фиксирующего все исправления в тексте, бесспорно.

Приведенные факты показывают, насколько важны подстрочные комментарии к текстам, принятые в лингвистических изданиях памятников письменности. Они сообщают исследователю дополнительные сведения, помогающие уточнить и подтвердить те или иные научные выводы.